

Реферируемое исследование посвящено анализу проблем, связанных с формированием терминов морфемики и словообразования в доломоносовский период русской лингвистики.

Хотя словообразование и морфемика характеризуются как молодые науки, зачатки учений о них находим в древности, в грамматических трудах XVI в. Естественно, с XVI в. по XX в. морфемика и словообразование развивались, взгляды ученых на состояние этих разделов тоже эволюционировали, что в совокупности привело к становлению данных учений в качестве самостоятельных наук.

К сожалению, проблемы, связанные с зарождением и последующим развитием морфемики и словообразования в отличие от морфологии и синтаксиса практически не изучены. Правда, Н. Б. Мечковская в книге «Ранние восточнославянские грамматики», характеризуя достижения грамматистов прошлого в плане изучения морфологического яруса языковой системы, затрагивает вопрос об уровне знаний ученых относительно морфемики и словообразования. Однако этого недостаточно. Чтобы понять, как, с чего зарождались учения о морфемике и словообразовании, проследить ход их развития, рассмотреть, как решались еще в доломоносовскую пору проблемы, вызывающие сомнения, споры и требующие решения в наши дни, необходимо детально изучить вопросы морфемики и словообразования, изложенные в лингвистических трудах того времени, сравнить грамматические работы одного периода (напр., XVII в.) между собой, а также с предшествующими (XVI в.) и последующими (XVIII в.). Только так можно будет наблюдать динамику в изучении морфемики и словообразования.

Надо заметить, что особая роль при установлении этапов развития любой науки отводится анализу формирования её терминологического аппарата, так как эволюция науки и её терминологического оснащения – явления взаимообусловленные. Однако развитие морфемной и словообразовательной терминологии в русском языкознании тоже практически не изучалось, об этом свидетельствуют статья И. Соломоновского «Терминология в словообразовании» (1880 г.) и статья А. И. Моисеева «Из истории понятий и терминов словообразования («Производящая основа»)» (1965 г.). Как видим, с момента выхода в свет первой публикации прошло почти 125 лет, со времени появления второй – приблизительно 40 лет. Этим и обусловлен **выбор темы** данного диссертационного исследования: **«Свойства и особенности функционирования терминов морфемики и словообразования в доломоносовский период русской лингвистики»**.

В данной работе история зарождения морфемных и словообразовательных учений в связи с формированием их терминологического аппарата прослеживается с XVI по нач. XVIII в.

Актуальность исследования в том, что вопрос о формировании терминологии морфемики и словообразования, а следовательно, и о формировании соответствующих разделов лингвистики до сих пор практически не был изучен и нуждается в историческом освещении, так как без знания начального

этапа становления морфемики и словообразования и формирования их терминологий нельзя понять, объективно описать и оценить современные достижения ученых в этих областях: многие словообразовательные процессы, морфемные единицы и морфемно-словообразовательные термины, известные современной науке, ведут своё начало с доломоновских времен. (Правда, в языкознании существует мнение о том, что о терминологии русской науки как таковой можно говорить лишь начиная с XVIII в. – времени бурной научной деятельности М. В. Ломоносова, – до этого периода якобы терминов не было: существовали *предтермины*, *прототермины*, которые, как правило, функционировали без строгой дефиниции или вовсе таковой не имели. Считая, что термин вполне может выражать понятие не только аналитически, но и синтетически, мы будем называть специальные слова морфемики и словообразования терминами, хотя и не отрицаем, возможно, меньшую степень их «терминологичности» по сравнению с терминами более позднего времени).

Объектом исследования является изложение учений о морфемике и словообразовании в грамматических трудах доломоновского периода.

Предмет исследования – формирование терминологического аппарата морфемного и словообразовательного учений и начальный период становления морфемики и словообразования как самостоятельных разделов науки о языке.

Цель работы – анализ функционирования терминологического и понятийного аппарата морфемики и словообразования как показателя уровня развития соответствующих учений в доломоновский период.

Для достижения данной цели ставятся следующие **задачи**:

1) изучить научную литературу по проблематике вопроса и проанализировать лингвистические труды XVI – нач. XVIII в.;

2) сравнить изложения учений о морфемике и словообразовании в ранних славянских лингвистических трудах;

3) выявить, с чего начиналось осознанное восприятие морфемики и словообразования как учений, проследить динамику «открытия» морфемных и словообразовательных единиц и процессов;

4) изучить пути развития морфемного учения в языковедческой науке XVI – нач. XVIII в. и выяснить знания ученых допетровской поры о способах славянского словообразования;

5) описать, как в прошлом решались спорные в современности вопросы, например, о разграничении процессов слово- и формообразования;

6) попытаться выяснить этимологические корни морфемно-словообразовательной терминологии и дать ее словообразовательный анализ;

7) дать научное обоснование такому терминологическому явлению, как ориентация;

8) объяснить специфические свойства морфемно-словообразовательных терминов XVI – нач. XVIII в.; подробно проанализировать их ориентирующие способности;

9) показать особенности функционирования морфемных и словообразовательных терминов данной эпохи;

10) описать морфемно-словообразовательную терминологическую систему допетровской поры, рассмотреть способы ее создания и определить черты «идеального» морфемно-словообразовательного термина доломоносовского периода.

В исследовании используются следующие **методы**: сплошной выборки, описательный, классификационный, системный, сравнительно-сопоставительный, языкового моделирования, свободный ассоциативный эксперимент, метод логико-семантического анализа (последний мы применяем в данной работе для определения ориентирующих свойств некоторых терминов).

В работе находят отражение и ретроспективный и эволюционный принципы исследования, т. е. на первом этапе проводимого анализа состояние определенной лингвистической проблемы начинает рассматриваться в синхронии (в современной науке о языке), на втором этапе – в диахронии (в грамматиках XVI в.) – ретроспективный принцип, на третьем – тоже в диахронии, но на этом этапе прослеживаются предпосылки возникновения и развитие данных проблемных языковедческих вопросов в доломоносовский период (в грамматиках XVI – нач. XVIII в.) – эволюционный принцип. Поэтапное использование этих принципов в диссертации помогает в наибольшей степени всесторонне исследовать сущность затронутой проблемы.

Новизна работы заключается в том, что состояние морфемного и словообразовательного учений XVI – нач. XVIII в. до сих пор не было описано и изучено. В данной диссертации впервые предложена идея исследования уровня лингвистических знаний определенного хронологического интервала с помощью анализа терминологического аппарата соответствующих разделов науки о языке. Важное значение при описании терминосистемы прошлого имеет изучение ориентационных способностей ее единиц, однако до сегодняшнего дня в лингвистике не только не существовало теоретических разработок касательно природы и действия ориентационных свойств термина, но и не было даже четкого определения понятия «ориентация». Ориентационная теория, принципы классификации терминов с точки зрения их ориентирующих возможностей, методы исследования этого специфического свойства научных слов впервые представлены в данной работе. Кроме того, здесь предложена идея изучения динамики понятийных и экспонентных характеристик термина в разных временных плоскостях (как в горизонтальном срезе, так и в вертикальном).

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении системно-структурного характера терминов морфемного и словообразовательного разделов доломоносовской лингвистики, в определении взаимоотношений между элементами системы терминологического знака в процессе их функционирования, а также в предложении ориентационной теории и в применении ее к анализу исследуемого материала.

Практическая направленность: вопросы, затрагиваемые в диссертационном исследовании, могут быть востребованы на занятиях по общему языкознанию, словообразованию и морфологии, лексикологии в вузовской практике и частично – в школьной (в старших классах), кроме того, не исключено проведение отдельного спецкурса «Свойства и особенности функционирования терминов морфемики и словообразования в доломоносовский период русской лингвистики».

Методологическая основа исследования – диалектический принцип развития и взаимосвязи существенных элементов (терминов и понятий) морфемно-словообразовательной науки.

Материалом исследования послужили лингвистические труды XVI – нач. XVIII в.

Положения, выносимые на защиту:

1. Значительный интерес в плане начального этапа становления морфемики и словообразования представляют шесть лингвистических трудов: «Грамматика славянского языка» (1586 г.), «Грамматика доброглаголиваго елинословенского языка АДЕЛЬФОТИΣ» (1591 г.), «Грамматика славянска» Л. Зизания (1596 г.), «Грамматика» М. Смотрицкого (1648 г.), «Грамматика...» А. Пузины (1658 г.), а также «Грамматика славянская» Ф. Максимова (1723 г.) (интересна как одна из интерпретаций «Грамматики» М. Смотрицкого). Сравнительный анализ данных работ позволяет проследить динамику лингвистической мысли Средневековья в области изучения морфемных и словообразовательных аспектов.
2. Исследование становления морфемно-словообразовательного учения необходимо проводить параллельно с исследованием формирования терминологического аппарата соответствующей области знания, так как эволюция любой науки характеризуется развитием ее терминов и их понятийных характеристик.
3. Важным этапом при историческом изучении терминологии является выявление происхождения научных слов и терминоэлементов. Вопрос о природе специальных слов должен быть рассмотрен в двух аспектах: этимологическом и словообразовательном.
4. Ориентация интерпретируется как языковое явление, обусловленное психическими и социальными факторами, дающее специалисту (а иногда и неспециалисту), не знающему терминологической дефиниции, возможность определить закрепленное за термином понятие или место данной единицы в терминосистеме по экспоненту. В процессе выявления ориентирующих свойств средневековых морфемно-словообразовательных терминов используется предложенный нами прием логико-семантического анализа. При этом следует помнить, что ориентационные характеристики у термина могут изменяться, они не являются константой.
5. Особенности функционирования терминов морфемики и словообразования в грамматических трудах доломоносовского периода могут быть рассмотрены в двух аспектах: динамика экспонента и динамика сигнификата.

6. В средневековых трудах прослеживается своеобразное представление ученых об идеальном термине.

Работа прошла **апробацию** в виде докладов на научных конференциях, в том числе и на международных (Международная научная конференция «Языки профессиональной коммуникации» – Челябинск, 21-22 октября 2003; II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» – Москва, МГУ 18 – 21 марта 2004), и публикаций шести статей по теме исследования. Автором подготовлен и читается спецкурс «Свойства и особенности функционирования терминов морфемики и словообразования в доомоносовский период русской лингвистики» на филологическом факультете Мордовского университета.

Структура исследования соответствует его цели и задачам. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и приложения «Список лингвистических терминов (и их вариантных форм) XVI – нач. XVIII в., встречающихся в диссертационной работе». Библиографический список включает в себя 284 наименования.

Основное содержание диссертационной работы

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, формулируется цель и задачи работы, основные положения диссертации, перечисляются применяемые методы, определяется научная новизна, указывается теоретическая и практическая значимость работы, раскрывается история данной проблемы в лингвистической литературе.

Глава 1 «Учение о морфемике и словообразовании в XVI – нач. XVIII в.» посвящена анализу изложения вопросов морфемики и словообразования в лингвистических трудах славянских ученых XVI – нач. XVIII в. В п. 1.1 обуславливается выбор шести грамматических трудов, послуживших материалом для языковедческого анализа. Описывается, анализируется, сравнивается содержание и структура учения о морфемике и словообразовании в каждом грамматическом труде. В п. 1.2 последовательно прослеживаются пути изучения морфемной структуры слова в грамматических трудах анализируемого периода. Средневековых лингвистов интересовало, из чего «сделаны слова», и они стремились определить морфемную структуру языковых единиц. Поэтому учение о *начертании* представлено во всех анализируемых в диссертации грамматиках без исключения. В этой области наиболее продвинулись составители «Грамматики славянского языка» 1586 г. и Л. Зизаний. Именно эти ученые ввели в научный обиход такие понятия, как *часть слова* (виленская грамматика 1586 г.) и *значащая часть слова* (Л. Зизаний), явившиеся позднее сигнификативным компонентом термина с экспонентом *морфема*, предложенным И. А. Бодуэном де Куртенэ. Видение *значащих частей слова* учеными XVI – нач. XVIII в. – большое достижение в лингвистике, так как это послужило толчком для дальнейшего развития изучения морфемной подсистемы языка. Надо заметить, что все учение о морфемике в лингвистических трудах 1586 г. и 1596 г. в отличие от остальных выстроено более четко.

В п. 1.3 рассматривается, как изучались вопросы словообразования в грамматиках домоносовского периода. Особое место отводится анализу способов славянского словообразования, зафиксированных в средневековых грамматических трудах.

Самыми продуктивными способами словообразования в допетровскую эпоху были суффиксация и префиксация. Но, несмотря на продуктивность суффиксации, в учениях XVI – нач. XVIII в. не было даже понятия суффикса в отличие от окончания и предлога (=приставки). Суффикс средневековыми грамматистами понимался как окончание или часть окончания, а это приводило к тому, что иногда суффиксально образованные слова отводились в разряд непроезводных (первообразных) с простым (нечленимым) *начертанием*, например, **славный** (в «Грамматике» М. Смотрицкого), **днесь** (во всех грамматиках).

Первым славянским лингвистом, заявившим о том, что слова могут производиться не только сложением и префиксацией (которую понимали часто как разновидность сложения: служебное слово (предлог) плюс знаменательное), но и с помощью деривационных средств, находящихся в послекорневой позиции, был Л. Зизаний.

Префиксация, активизирующаяся с середины XVII в., не изменяла частеречного значения единицы, а представляла собою словообразовательную трансформацию, не выходящую за пределы одной морфологической категории, «игру» с одним корнем и разнообразными префиксами, диапазон значений которых колеблется от близких по семантике (**прехожю, расхожю**) до противоположных друг другу (**восхожю, нисхожю**).

Сложение в отличие от префиксации и суффиксации в славянских грамматиках XVI – нач. XVIII в. отражено как непродуктивный способ образования слов (в узком понимании термина «сложение»); данный процесс был оценен лингвистами неоднозначно и еще недостаточно осмыслен на материале славянского языка.

Славянские ученые XVI – нач. XVIII в. видели возможность образования новых слов без материально выраженного словообразовательного средства, хотя и не всегда верно иллюстрировали эту возможность.

Несмотря на существование в языке славян XVI – нач. XVIII в. и морфологических, и неморфологических способов словопроизводства, ученые осознавали лишь первые, что и было отображено в их грамматических трудах, хотя гипотетически можно говорить, что в «Адельфотисе...» была предпринята попытка выделить образования неморфологической природы в подвиде производных *зиждательное имя*: **платонское и платонское, омирское и омирское, конское и конское, царское и царское, человеческое и человеческое**. Но даже гипотетически однозначно классифицировать данный неморфологический способ словопроизводства не представляется возможным: имеется ли здесь в виду лексико-семантический способ – и под вторыми лексемами скрывается иное значение, чем под первыми, или здесь предполагает-

ся морфолого-синтаксический способ – и это слова разных частей речи. Также оправдано предположение, что из-за описки в переводе «потерялся» морфологический суффиксальный способ, согласно которому данный подвид должен был выглядеть так: **конь и конское, царь и царское, платон и платонское и т. п.**

Не отражение, а реализацию морфолого-синтаксического способа образования можно наблюдать в терминологическом оснащении данных грамматик, в метаязыке морфемного и словообразовательного разделов лингвистики. Хотя, наверное, нужно в данном случае говорить об этом явлении не как о результате, а как о процессе. Так, слова *первообразный, производный*, употребляемые вначале в качестве имени прилагательного только со словом *вид*, стали со временем соотноситься и с единицами *слово, начертание*, а потом функционировать и без этих определяемых: **небо – первообразное, небесный – производное**.

Если говорить о формообразовании, словоизменении, словообразовании, морфемике, то к первым двум разделам ученые проявили большее внимание.

В главе 2 «Этимологическая и словообразовательная характеристика терминов морфемики и словообразования XVI – нач. XVIII в.» постулируется особая роль анализа терминологического аппарата при установлении этапов развития соответствующей науки, так как эволюция науки и её терминологического оснащения – явления взаимообусловленные: первое невозможно без второго, как и второе – без первого. Для настоящей работы важными являются следующие положения, выдвинутые учеными-терминологами в XX в.:

1) наблюдение над терминологией может проходить в двух сферах – *фиксации* (терминография), в которой термин статичен, неизменяем, и *функционировании* (статьи, монографии и т. п.), в которой термин динамичен, подвержен всевозможным изменениям);

2) термин представляет собой имманентно системную языковую единицу специальной сферы создания и использования [А. В. Лемов, 2000]. Структура такой единицы состоит из отношений между тремя её субстанциями: *экспонентом* – планом выражения, *денотатом* – предметом или явлением объективной действительности и *сигнификатом* – понятием о предмете или явлении действительности (в науке о языке существует и иное терминологическое обозначение данных субстанций);

3) синхронное и диахронное изучение терминологии взаимосвязаны.

Первоначально терминологические единицы морфемики и словообразования рассматриваются в работе с точки зрения их происхождения. Выяснение происхождения морфемно-словообразовательных терминов XVI – нач. XVIII в. подразумевает два уровня анализа: этимологический и словообразовательный, так как, когда заходит речь о происхождении терминологических единиц и слов вообще, в сознании носителя языка возникают два вопроса: 1) зародилась данная лексема в национальном языке или в «чужестранном», из

которого «перекочевала» позднее в язык родного народа; 2) образовано слово от чего-либо или непроизводно. Быть может, такое подсознательное объединение этимологии и словообразования обусловлено мнением, что заимствованный термин, как правило, немотивированный, а национальный – мотивированный. Данная гипотеза имела бы смысл, если предположить ситуацию, героем которой был бы человек, не знающий не только ни одного иностранного языка, но и отдельных заимствованных слов, не знающий, так называемых интернационализмов, что в наше время – эпоху языковой интеграции, в эру интенсивного межнационального общения, особенно в научной сфере – трудно себе представить. Это будет казаться еще более нереальным, если речь пойдет о грамматистах XVI – нач. XVIII в., знавших, как правило, несколько языков (греческий, латинский, старославянский). Следовательно, для лингвистов XVI – нач. XVIII в., у которых степень владения «чужими языками» была настолько высока, что они переводили с них на родной язык сложнейшие тексты научного стиля, многие заимствованные слова были членимы, так как образованы в языке-источнике на базе других слов, т. е. здесь можно вести речь о некой *межъязыковой мотивированности* – формальной и семантической зависимости заимствования от иноязычного прототипа, которая осознается носителями языка. «Представление о межъязыковой мотивированности в первую очередь перенимается от билингвов, а также формируется при ознакомлении со справочной литературой, в процессе анализа, сопоставления языковых фактов и т. д. Сами формальные и семантические особенности заимствования, отсутствие производящего в языке-реципиенте также подталкивают монолингвов на поиск иноязычных причин появления этой единицы» [Казкенова 2003, с. 72]. А следовательно, иностранное слово, особенно слово-термин, членимое в своем родном языке, членится так же в любом другом. Суть только в том, видимо ли это для носителей языка, в котором данная единица функционирует. А это, в свою очередь, зависит от того, насколько хорошо знает человек «чужой» язык. Что касается терминов, то многие из них состоят из интернациональных морфем – терминологических элементов (греческих и латинских), – известных людям еще со времен школы. Кроме того, известно, что пользуются терминологией той или иной науки люди, имеющие определенный образовательный ценз.

Наш материал показывает, что для словообразовательной и морфемной терминологии на этапе ее зарождения использовалось большое количество калькированных терминов (практически 50% от общего числа) и что терминологическим единицам был присущ, главным образом, мотивированный характер. Надо заметить, семантическое калькирование нами квалифицируется как разновидность лексико-семантического способа словообразования. Семантические кальки – это такие единицы, экспонент которых не заимствуется, а «славянской оболочке» «приписывается» новое значение. Однако очень проблематично узнать, понять в XX – нач. XXI в., каким образом у слова-термина XVI – нач. XVIII в. появилось «новое» значение: лексико-семантическим способом славянского словообразования или путем семантического калькирова-

ния? Хотя семантическое калькирование можно вполне рассматривать как разновидность лексико-семантического способа словопроизводства, особенностью которой является то, что «новая» семантика развивается в слове под влиянием иноязычного прототипа. Таким образом, расценивая единицы подобного рода как лексико-семантические дериваты, мы считаем целесообразным рассмотреть их в одном ряду с исконной славянской терминологией (к этой группе слов отнесем такие лингвистические единицы, как *глагол*, *союз*, *имя*, чья калькированная семантика давно общеизвестна).

Словообразовательное калькирование оценивается как феноменальный путь пополнения средневековой морфемно-словообразовательной терминологии за счет ресурсов родного языка. Феномен заключается в том, что при калькировании – сознательно или бессознательно – носитель языка соотносит иноязычные части со словами (самостоятельными или служебными) родного языка с целью построить новую единицу (по значению и по структуре близкую к “варваризму”), но с исконными корнями, имеющую “искусственную” производящую основу. Так, по калькированному составу славянский *предлог* разделяется на приставку *пред-* и корень *-лог-* (от русского “ложити”, который является переводом греческого – *ὑεσις* – «положение»).

Значительный пласт морфемных и словообразовательных терминов того времени составляют полукальки, совмещающие в себя национальные и «буквально» переведенные терминологические элементы. Это, как правило, составные термины (у многих в дальнейшем одна из частей “отпала”):

1) сложные предлоги;	} сложное – исконное,
предлог, местоимение – кальки;
2) сложное местоимение;	

Наибольшую часть исконных терминов составляют единицы индоевропейского происхождения, чем и обусловлены многочисленные языковые сопоставления во второй главе.

Словообразовательный анализ терминов морфемики и словообразования доломоновского периода еще раз подтвердил существующую в лингвистике точку зрения на то, что лексико-семантическое образование русской терминологии является традиционным для русского языка (лексико-семантическим способом были образованы такие термины, как *рассуждение*, *начертание*, *речение*, *окончание* и др.). Но в большей степени наш материал показывает, что для начального этапа развития морфемного и словообразовательного разделов языкознания характерно функционирование терминов, образованных морфолого-синтаксическим способом – субстантивацией (напр., *отеческое имя* → *отеческое, производный вид* → *производный* и др.), которая приводила к сокращению терминологических элементов в составных терминах (до двух и даже до одного) и была обусловлена глубоким осмыслением языковых явлений учеными XVI – нач. XVIII в. Субстантивация в плане образования морфемно-словообразовательной терминологии доломоновской поры в три раза превышает частотность лексико-семантического слово-

производства. Морфологические способы терминопредварения в сфере имени существительного очень слабо представлены (единичные случаи префиксации, суффиксации, сложения).

Анализ происхождения терминов морфемики и словообразования (в этимологическом и словообразовательном аспектах), их значений в разных языках (родственных – славянских и неродственных – неславянских) позволил нам более глубоко охарактеризовать ориентационные свойства данных единиц (с современных позиций и с точки зрения средневековых лингвистов).

Центральное место в главе 3 **«Ориентирующие свойства морфемных и словообразовательных терминов XVI – нач. XVIII в.»** занимает разработанная нами теория терминологической *ориентации*. *Ориентация* – языковое явление, обусловленное психическими и социальными факторами, дающее специалисту (а иногда и неспециалисту), не знающему терминологической дефиниции, возможность определить закрепленное за термином понятие или место данной единицы в терминосистеме по экспоненту.

За ориентацией как важнейшим специфическим свойствам термина признается абсолютный характер, т. е. объективно все термины являются ориентирующими, так как терминотворчество – всегда процесс сознательный, поскольку автор (создатель) термина осознанно, обдуманно, взвешенно присваивает единице научной речи адекватный, на его взгляд, экспонент. Под адекватностью плана выражения мы подразумеваем не что иное, как его ориентирующий характер, который бы правильно, логично (адекватно) наталкивал носителя языка на природу понятия или явления, закрепленного за термином.

Конечно, надо заметить, появление тех или иных ориентационных характеристик у термина обусловлено во многом субъективными причинами (автор руководствуется в создании термина своими научными и общезыковыми знаниями, общественно-историческим укладом окружающей его эпохи, собственной «логикой»), а функционирует термин с такой ориентационной природой в системе той или иной науки объективно. И здесь возникает парадокс. Язык – объективная субстанция, сознание носителей языка – субстанция субъективная. Термин, возникший некогда в сознании ученого, в субъективной субстанции, закрепившись в языковой сфере – субстанции объективной, – «объективирует» свою первичную (субъективную ориентацию). Однако, столкнувшись с существующей (в абсолюте) ориентацией термина, другой носитель языка – другая субъективная субстанция – не всегда может правильно «прочитать» или «*прочитать*» вообще заложенную в экспоненте информацию (ведь иная субъективная субстанция наделена другой «логикой», иначе образована, к тому же может находиться в другой общественно-исторической и культурной среде). Таким образом, происходит своеобразный конфликт между автором термина (адресантом) и адресатом. В результате термин, некогда ориентированный, условно скажем, на знак «+» и пришедший с этой абсолютной ориентацией в язык, для носителей языка может оказаться ориентированным на знак «-» (+ – верная ориентация, - – ложная ориентация, +/- – частичная ориентация, 0 – нейтральная ориентация).

Знание *абсолютной ориентации* носителям языка недоступно. Ведь для достижения этого необходимо, чтобы совпали все факторы, влияющие на сознание и присутствующие в нем, в обеих субъективных субстанциях, что просто нереально. Поэтому нам доступна лишь *относительная ориентация* термина, которая может изучаться в двух аспектах: 1) ориентация «для себя» как для представителя определенного исторического периода, общественного строя, социально-культурной среды, человека с определенной степенью знания, образования, с набором индивидуальных психических особенностей (особенности логического мышления, образного мышления и т. д.); 2) ориентация «для другого» с учетом всех перечисленных факторов, кроме психических особенностей личности (которые мы знать не можем). Ориентация “для другого” можем позволить приблизиться к абсолютной ориентации, к первичной субъективной субстанции, если учесть время, общественный строй, уровень образованности ученого, создавшего термин, однако достичь абсолюта, повторимся, мы не сможем никогда. Таким образом, анализируя любой термин, характеризуя его с точки зрения ориентирующих свойств, мы имеем право говорить лишь об *относительной ориентации термина*.

Важными характеристиками такого терминологического свойства, как *ориентация*, являются: *степень ориентации* – количественный показатель того, насколько данный экспонент может ориентировать, указывать на соответствующее ему понятие (сильно ориентировать – полная ориентация, слабо ориентировать – частичная ориентация); качественная характеристика *правильность – неправильность ориентации*, в связи с чем все термины классифицируются на *правильно ориентирующие* и *ложно ориентирующие единицы*. По отношению к данным показателям все термины в относительности подразделяются на четыре основные группы: полностью правильно ориентирующие (*слагать* – соединять части слова), частично правильно ориентирующие (*предлог* – в значении приставка), ложно ориентирующие (*начертание* – морфемная структура), нейтральные (*вид, слово*).

Для исследования терминологической ориентации большое значение имеет “полевая” методика. Только речь здесь следует вести не о функционально-семантическом, а об *ориентационном поле*. *Ориентационное поле* – это система, уровни которой обусловлены различием количественно-качественных ориентационных характеристик. По структуре ориентационное поле напоминает функционально-семантическое: центром является языковой абсолют, где все термины ориентированы правильно, ядром – полностью правильно ориентирующие термины (в относительности – во вторичной субъективной субстанции), зоной ближайшей периферии – частично ориентирующие (правильно и ложно) термины, зоной дальней периферии – полностью ложно ориентирующие термины, зоной крайней периферии – нейтральные термины.

Как показал наш материал, на начальном этапе становления учений о морфемике и словообразовании возникло много ложно ориентирующих единиц (*начертание, субопростое начертание, окончание, двусложный предлог,*

превосходная степень положительная степень), так как авторы первых славянских грамматик прежде всего ориентировались на терминологию классических языков, воспроизводя на национальной почве названия тех греческих и (или) латинских единиц, денотатов у которых в славянских языках могло и не быть.

Ориентационные свойства терминов с течением времени претерпевают различные изменения. Ученые могут наделить термин иным планом выражения, могут переосмыслить понятие, кроме того, трансформации могут быть обусловлены развитием самого языка как знаковой системы и развитием знаний о ней. Таким образом, вполне реально, что ложно ориентирующий термин может стать правильно ориентирующим или нейтральным и наоборот. Ориентационные сдвиги в термине связаны с особенностями его функционирования: с динамикой экспонента и нестабильностью сигнификата.

Функционированию исследуемых нами терминов посвящена **глава 4 «Особенности функционирования терминов морфемики и словообразования в грамматических трудах XVI – нач. XVIII в.»**. Первоначально в ней рассматривается динамика экспонента, которая в доломоновский период русской лингвистики была обусловлена, как правило, тремя факторами: 1) вариативностью терминов; 2) отсутствием экспонента при имеющихся денотах и сигнификатах; 3) синонимией.

Наш материал показывает, что в XVI – нач. XVIII в. терминологическая вариативность получила очень широкое распространение. Так, среди рассматриваемых в данной работе морфемных и словообразовательных терминов есть много единиц, имеющих морфологические варианты (*властелинный – властелинное, отыменной – отыменное*). Возможно, такая морфологическая вариативность вызвана тем, что все перечисленные термины являются субстантивированными прилагательными, еще «не окрепшими» в достаточной мере и «ищущими» традиционную опору – имя существительное. Это языковая причина. Однако допускается и иное объяснение – экстралингвистическое. Грамматисты, составляющие лингвистические пособия и использующие в них термины-субстантиваты, бессознательно соотносили их с разными существительными, являющимися главным членом генетического словосочетания, а так как существительные могли быть разного рода, происходили морфологические варьирования. Так, Л. Зизаний соотносил термин *отыменной*, наверное, с *видом*, а Ф. Максимов – с *именем*; М. Смотрицкий: *властелинный* – с *видом*, Ф. Максимов – с *именем (властелинное)*, Ф. Максимов: *положительный* – с *видом*, а А. Пузина – со *степенью (положительная)*.

Известны также синтаксические варианты: а) словосочетание – слово: *сложное начертание – сложное, простое начертание – простое, пресложное начертание – пресложное, умалительное имя – умалительное*; б) трансформы (связанные с перестановкой слов в словосочетании): *начертание простое – простое начертание, начертание сложное – сложное начертание*. Как видно из примеров, практически во всех фигурирует термин *начертание*, наделенный ложно ориентирующими свойствами, которые, возможно, обусловили его

терминологическую «неустойчивость», в результате чего он вообще исчез из научной речи.

Вопрос о словообразовательных вариантах является спорным в лингвистике. Одни ученые (В. П. Даниленко, А. В. Лемов) считают словообразовательные варианты (наряду с морфологическими, фонетическими, синтаксическими и т. п.) объективной реальностью языка. Другие (Н. М. Шанский и ученые Казанской школы) склонны называть единицы типа *властный* – *властелинный* не вариантами, а синонимами. Возможно, такие пары слов занимают промежуточное положение между вариантными и синонимичными формами, т. е. представляют собой переходные явления в системе языка. Затрудняясь дать точную терминологическую номинацию таким единицам, все же приведем примеры функционирования подобных специальных слов: *властный* (Л. Зизаний) – *властелинный* (-ое) (последующие грамматики), *превысший* (Л. Зизаний) – *высочайшая* (М. Смотрицкий), *превосходное* («Адельфотис...») – *превосходительный* (Ф. Максимов, А. Пузина).

Кроме того, что в морфемной и словообразовательной терминологии далекого прошлого наблюдались случаи всевозможного варьирования, находили место и ситуации, при которых в терминах при имеющихся сигнификациях и денотатах отсутствовали экспоненты. Так, например, а «Адельфотисе...» было положено начало учению о степенях сравнения: *налагаемое, рассудное и превосходное начертания* – три видовых термина, у которых не было родового, вернее, не был найден его экспонент. Л. Зизаний использует термин *рассуждение* – родовой для степеней сравнения – и тем самым заполняет «пустое окошечко» в системе славянской терминологии XVI – нач. XVIII в. Однако иногда *экспонент* приходилось «искать» более длительное время. Например, видовые термины *окончание, предлог* (приставка) функционируют в терминологии морфемике со времен первых славянских грамматик, а экспонент родового термина – *морфема* – был введен Бодуэном де Куртенэ лишь в XIX в., что послужило серьезным толчком к дальнейшему развитию знаний о составе слова и словообразования. Однако надо заметить, в момент зарождения словообразовательной и морфемной терминологии таких «незаполненных клеток» в системе было немного (всего два примера, в первом из которых родового термин получил экспонент в течение пяти лет!), для данного периода, наоборот, было характерно строгое родо-видовое соотнесение.

Второй тип динамики экспонента обусловлен таким языковым явлением, как синонимия. Ученые склонны считать, что синонимия в терминологии характерна для начальных этапов формирования терминосистем, когда еще не произошло выбора лучшей единицы. На наш взгляд, синонимия морфемных и словообразовательных терминов в XVI – нач. XVIII в. обусловлена в основном авторской интерпретацией того или иного языкового явления, часто вызвана индивидуальным переводом, калькированием. Каждый грамматист пытался оставить таким образом свой «след» в создаваемой терминологической системе. К морфемным терминам-синонимам XVI – нач. XVIII в. можно отнести такие, как: *различие* (в одном из значений) («Адельфотис...», Л. Зизаний,

М. Смотрицкий (II издание грамматики) – *окончание* (все грамматисты), *предлог* (все грамматисты) – *краткий слог* («Адельфотис...»). Словообразовательные термины-синонимы в грамматических трудах XVI – нач. XVIII в. следующие: *первообразный* (все) – *господственное* («Адельфотис...») – *совершенное имя* (М. Смотрицкий) – *непроизводное наличие* (А. Пузина) – *первоположный* (Ф. Максимов); *производный* (все) – *новообразное речение* (А. Пузина) и др.

Общезыковые синонимы обычно различаются экспрессивно-эмоциональной окраской, оттенками значения или стилистической маркировкой. Терминологические синонимы считаются лишенными данных черт (они внеобразны, однозначны и всегда являются единицами научного стиля – в идеале), поэтому их называют дублетами, т. е. полными синонимами. С нашей точки зрения, главное отличие терминологических синонимов друг от друга в ориентации. Ср.: *различие* (правильно ориентирующий термин) – *окончание* (ложно ориентирующий); *предлог* (частично ориентирующий) – *краткий слог* (ложно ориентирующий), *первообразный* (правильно ориентирующий) – *первоположный*, *господственное слово*, *непроизводное* (частично ориентирующие) – *совершенное имя* (ложно ориентирующий) и т. д.

Не менее интересно рассмотреть функционирование терминов морфемики и словообразования доломоновского периода языкознания с нестабильным понятийным компонентом. В работе исследовалась динамика сигнификата морфемных и словообразовательных терминов XVI – нач. XVIII в., не обусловленная изменениями денотативного компонента, и динамика сигнификата, сопровождаемая нестабильностью денотата.

Функционирование терминов с динамичным сигнификатом, не связанное с изменением денотата, обусловлено, как правило, развитием знаний о денотате, новым осмыслением явления, невозможностью дефинировать денотат. Динамика понятийных характеристик морфемных и словообразовательных терминов XVI – нач. XVIII в. была во многом обусловлена функционированием в языке полисемичных и омонимичных терминов. Так, в роли омонимичных единиц выступали термины *речение* как часть слова, морфема («Адельфотис...») и *речение* как словоформа, часть речи (последнее узаконено в терминологической системе доломоновского периода); *различие* в значении морфемы («Адельфотис...», М. Смотрицкий) и *различие* в значении части речи («Адельфотис...», Л. Зизаний, М. Смотрицкий); *этимология* как наука об этимонах («Адельфотис...») и как морфологическое учение (М. Смотрицкий). Из текста грамматик видно, что в научной речи XVI – нач. XVIII в. полисемия и омонимия, как правило, контекстом не снимались, и это, безусловно, мешало взаимопониманию ученых, составляющих грамматики, и тех, кому эти грамматики были предназначены. Хотя, возможно, такая разнообъемность терминов связана с развитием терминологии тех времен.

В исследовании предпринята попытка рассмотреть динамику сигнификата морфемных и словообразовательных терминов, проявившуюся через

большой хронологический отрезок, в так называемом «втором синхронном срезе». Так, напр., по прошествии времени ученые осмыслили термин *начертание* не как морфемную единицу, а как элемент графический. *Вид* в лингвистике сузил свое значение до глагольной категории (совершенный и несовершенный виды глагола). То же самое произошло и с термином *окончание*, который был переосмыслен: из обязательной конечной морфемы “переведен” в словоизменяемый элемент, которого может не быть вовсе, постпозиция которого не обязательна и не всегда материально выражена, к тому же диалектика научной мысли привела к “выводу” из состава окончания суффиксальной морфемы. С развитием учения о способах глагольного действия иное значение приобрели термины М. Смотрицкого *начинательный и учащательный вид*.

В средневековых трудах прослеживается своеобразное представление ученых об «идеальном» термине: заимствованные, глагольные, несистемные, частично ориентирующие и ложно ориентирующие единицы оказывались за пределами «идеала», так как «уводили» сознание носителей языка от основополагающей научной точности.

В **заключении** содержится краткая сводка основных результатов, представленных в отдельных главах исследования и подводятся итоги работы, которые кратко можно обозначить так: 1) в эпоху становления языкознания морфемика и словообразование как самостоятельные учения не осознавались, однако сведения о них в качестве базовой основы, необходимой при изучении грамматики, даны во всех без исключения рассмотренных нами работах, в разделе «Этимология» (=морфология); 2) лингвисты XVI – нач. XVIII в. видели системное устройство морфемики и словообразования, что и отразилось в структурных характеристиках *начертания*, в его классификации на *простое, сложное и пресложное*, в делении всех слов на *первообразные* и *производные*; 3) с зарождением учения о морфемике и словообразовании зародилась и морфемно-словообразовательная терминология, которую следует изучать в различных аспектах: этимологическом, словообразовательном, ориентационном, функциональном и т. п.; 4) чистых терминологических заимствований в XVI – нач. XVIII в. было крайне мало, большая часть морфемно-словообразовательных терминов – это кальки, полукальки и исконные единицы; 5) в начальный период становления морфемной и словообразовательной терминологии в качестве единиц научной коммуникации могли выступать слова любой части речи, но широкое распространение получили субстантивные дериваты. (Для этого хронологического интервала характерно развитие терминов, образованных морфолого-синтаксическим (субстантивацией) и лексико-семантическим способами); 6) специфической чертой ранней морфемно-словообразовательной терминологии является ее яркая ориентационная направленность, компенсирующая недостаточно четкую дефиницию или вообще отсутствие последней; 7) ориентационными возможностями во многом объясняются особенности функционирования терминологических единиц прошлого.

Кроме того, в заключении еще раз подчеркивается мысль, что зарождение морфемно-словообразовательного учения и метаязыка данных разделов лингвистики в грамматиках XVI – нач. XVIII в. было важным этапом в становлении славянского языкознания. Перспективы развития темы видятся в дальнейшем изучении эволюции научных знаний о данных разделах языка в ломоносовский период лингвистики и в XIX в.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Арискина О. Л. Словообразование в «Грамматике» М. Смотрицкого / О. Л. Арискина // XXXI Огаревские чтения. Материалы научной конференции. В 3 ч. Ч. 1. Гуманитарные науки. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – С. 147 – 150.

Арискина О. Л. Ориентирующие свойства словообразовательных и морфемных терминов в «Грамматике доброглаголиваго еллинословенскаго языка АДЕЛФОТИС» 1591 г. / О. Л. Арискина // Материалы докладов VIII научной конференции молодых ученых Мордовского гос. университета им. Н. П. Огарева, 12 – 17 мая 2003 г. – Саранск: Тип. «Красный октябрь», 2003. – С. 129 – 132.

Арискина О. Л. Ориентирующие свойства словообразовательных терминов в «Грамматике» М. Смотрицкого / О. Л. Арискина // Языки профессиональной коммуникации: Материалы междунар. науч. конф., 21-22 окт. 2003 г. – Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 2003. – С. 188 – 192.

Арискина О. Л. Способы словообразования, зафиксированные в славянских грамматиках XVI-XVII вв. / О. Л. Арискина // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18 – 21 марта 2004 г. Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 35-36.

Арискина О. Л. Морфемика и словообразование в «Грамматике славянской...» Л. Зизания / О. Л. Арискина // Вестник Мордовского университета. – Саранск, 2004. – С. 31 – 35.

Арискина О. Л. Пути изучения морфемной структуры слова в грамматических трудах XVI – нач. XVIII в. / О. Л. Арискина // Социально-гуманитарные исследования: Теоретические и практические аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск, 2004. – Вып. 4. – С. 140 – 143.